
МОДЕЛИРОВАНИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

А.С. Нилогов

ПСИХОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ АНТИЯЗЫКА (на материале монографии И.А. Бесковой «Природа сновидений»)

Аннотация. Объектом исследования является трёхуровневая структура человека, предложенная отечественным философом И.А. Бесковой в книге «Природа сновидений». Предметом исследования является репрезентация опыта сознания, подсознания и бессознательного, ранжированных с точки зрения гипотезы антропологической границы, и их концептуализация в соответствующих единицах информации. В статье подробно рассматриваются такие аспекты, как индивидуальная объективная реальность, индивидуальный язык, статус бытия-человеком, суггестия, сновидческий язык. Особое внимание уделяется изучению онтологического статуса языковых и антиязыковых единиц, представляющих чувственные каналы получения информации.

Использованы следующие методы исследования: проблемный, аналогия, герменевтический, антиязыковой (выявление классов антислов), сравнение, синтез, анализ, концептуализация, реконструкция, интервьюирование.

Новизна исследования заключается в том, что применена антиязыковая методология для вербализации информации от многих систем и подсистем человека (органы чувств) в виде специальных классов, кодирующих сигналы посредством антислов. Реконструированы антиязыковые аспекты и приложения у нескольких авторов, позволяющие достаточно обосновать новый философско-лингвистический метод.

Ключевые слова: Бескова, философия антиязыка, бессознательное, индивидуальная объективная реальность, суггестия, класс антислов, сновидческий опыт, антиязыковая методология, антропологическая граница, язык сновидений.

Review. The object of the research is the three-level structure of human offered by the Russian philosopher Irina Beskova in her book 'The Nature of Dreams'. The subject of the research is the representation of the conscious, subconscious and unconscious experience ranged from the point of view of the hypothesis of the 'anthropological border' and their conceptualization in associated information units. In his article Nilogov examines such aspects as individual objective reality, individual language, status of human-existence, suggestion and language of dreams. Special attention is paid to the ontological status language and antilanguage units that represent sensory channels of obtaining information.

In his research Nilogov has the following research methods: problem method, analogy, hermeneutical method, antilanguage method (discovery of classes of antiwords), comparison, sythesis, analysis, conceptualization, reconstruction and interviewing. The novelty of the research is caused by the fact that the researcher uses the antilanguage methodology to verbalize information coming from many systems and subsystems of human (sensory organs) in the form of special classes that code signals by the means of antiwords. The researcher reconstructs antilanguage aspects and provisions described by a number of researchers which provides enough grounds to substantiate a new philosophical and linguistic method.

Keywords: dreamlike experience, class of antiword, suggestion, individual objective reality, unconscious, philosophy of antilanguage, Beskova, antilanguage methodology, anthropological border, language of dreams.

Любой предмет этого мира может из замкнуто-немого существования перейти в состояние слова, открыться для усвоения обществом – ведь никакой закон, ни природный, ни иной, не запрещает нам говорить о чём угодно.

Р. Барт [1, с. 233]

Данной статьёй мы продолжаем развивать проблематику сновидческого и иного бессознательного опыта с точки зрения новой философско-лингвистической методологии. Первая наша статья на эту тему была опубликована в журнале «Психология и психотехника» № 4 [2].

Постулируя новый раздел философии – философию антиязыка, мы заостряем проблему онтологического статуса слов естественного человеческого языка, которая недостаточно полно поставлена как в теоретической лингвистике и философских проблемах языкознания, так и в философии языка и лингвистической философии. Не вдаваясь в долгие теоретические пролегомены, проиллюстрируем всю глубину заявленной проблематики на примере книги российского философа И.А. Бесковой «Природа сновидений (эпистемологический анализ)» (2005) [3]. Заодно используем этот первоисточник для пополнения антисловного лексикона и расширения самого проблемного поля философии антиязыка за счёт включения психологического аспекта.

1. Антропологическая граница на замке?

В самом начале рассмотрим тот антропологический каркас, посредством которого автор разворачивает свою эпистемологическую аргументацию по поводу природы человека, а именно – гипотезу об антропологической границе (ср. с позицией российского философа С.С. Хоружего [4] и см. соотв. критику профессора Ф.И. Гиренка [5, с. 157–165]).

И.А. Бескова пишет: «Понятие “пространства поверхности человеческого тела” (или просто “пространство поверхности”) позволяет передать, во-первых, идею существования внешней и внутренней границы телесности, и, во-вторых, того, что подлинная природа данного феномена, в принципе, не совпадает с нынешней формой его проявления. Само по себе это пространство является мнимостью, субъективная реальность которого обусловлена нынешним состоянием человека (диссоциация на уровне *я как целое* и, как следствие, противоположное направление потоков на поверхности тела и внутри него).

Тем не менее для нынешнего человека оно настолько реально, насколько может быть реальным непосредственное ощущение, верно отображающее действительное положение вещей. А именно, действительно дважды происходящую смену направлений движения энергии: сначала внутри тела и на внутренней стороне его поверхности и потом на внешней поверхности тела и в окружающем мире. Вот это пространство, двумя гранями которого выступают внутренняя и внешняя поверхность телесности, и переживается человеком как граница, отделяющая его от внешнего мира. Но она же, как ни странно, переживается как отделяющая его от внутреннего мира. Это кажется удивительным, потому что и внутри, и на поверхности субстанциально одно и то же – человек. Тем не менее по всем проявлениям, *функционально*, структура, локализованная в интервале границы (“я”, самость), распознаёт то, что локализовано внутри неё, как «не вполне я» или «тоже я, но не совсем я». Такое отношение имеет под собой реальные основания и, как мы увидим, верно передаёт интуиции человека. Другой вопрос, почему так происходит и с чем это связано. Пока же отметим, что представление о границе как о мнимом пространстве позволяет, среди прочего, отобразить подлинную природу феномена «я», самости, как фикции, имеющей, между тем, в своей основе подлинные переживания человека, природа которого диссоциирована» [3, с. 128–129].

В этом отрывке Бескова намечает проблему структурирования сущности человека в непривычном для языка психолога ключе. Феномен «я» – предмет для исследования и философов, которые, начиная не только с Р. Декарта, отгипостазировали его до проблемы Субъекта с большой буквы. Несмотря на наличие различных концепций о природе человека, бесковскую точку зрения отличает своевременная новизна, выражающаяся, в первую очередь, в философском подходе, а уже во вторую – в психологическом и даже эзотерическом. Не будучи прерогативой исключительно психологов, проблема самостной идентификации человека не сводится лишь к трансцендентальному единству апперцепции (И. Кант), а упирается в телесные поверхности (в логике постмодернистской философии поверхностей), без которых нет никакой человеческой глубины – того внутреннего мира, который порой выворачивается наружу, суживаясь словно шагреневая кожа, а порой и вовсе подменяет собой телесный облик человека, имея

смутные представления о собственном бессознательном. Как написано на одном демотиваторе, изображающем трупного червя: «Он познаёт ваш внутренний мир...».

Цитируем И.А. Бескову: «Поскольку при переходе от одной зоны к другой и от другой к третьей направление циркулирующих потоков энергии меняется на противоположное, внутри тела и в мире потоки окажутся однонаправленными, в пространстве границы – противоположно направленными и по отношению к внутреннему, и по отношению к внешнему движению. Поэтому и познание как проживание-в-себе возможно для человека как совокупности subsystem и невозможно для человека как целого («я», «самость»). Тогда можно сказать, что энергетический субстрат для «я», «самости» – это интервал, промежуток между внешней и внутренней границей телесности. И *сознание – когнитивная способность этого уровня, этого энергетического субстрата телесности*. Из-за такой его природы оно и оказывается неспособно непосредственно постигать глубинное: это структура уровня границы, точнее – пространства, располагающегося между двумя границами – внешней и внутренней, то есть по самой своей природе это поверхностная структура (ss-структура). Поэтому оно в состоянии распознавать в другом и репрезентировать своими средствами только то, что соответствует *его* внутренней природе, то есть только информацию с поверхности объектов. Глубинные процессы сознание реконструирует, домысливает, выстраивает через модели, гипотезы, следствия и их проверки. Непосредственно постигать, проживая в себе как часть себя, оно глубинные процессы не может, так как это не соответствует *его* природе. У него просто нет средств для такого размещения информации. И, напротив, подсознание, бессознательное, субстратом которого является мир «внутри», именно так и воспринимает-постигает процессы вовне: как часть себя, потому что энергетическая направленность в них та же, что и внутри системы, когнитивным проявлением которой и является бессознательное. Поэтому оно способно к непосредственному усмотрению за счёт проживания происходящего в другом, как в нём-самом-совершающемся» [3, с. 129–130].

Здесь Бескова суммирует гипотезу об антропологической границе, показывая, что человек – это многослойное, а потому сложное, существо [ср.: 6, с. 227], не сводящееся ни к примитивному противопоставлению души и тела (наивное пси-

хологизирование масс), ни к современному бинаризму аналитической философии в виде «mind-body problem» (наивное философствование масс). Заметим, правда, что неразличение Бесковой двух понятий – «я» и «самости» – может быть скорректировано обращением к концепции другого отечественного философа Ф.И. Гиренка, который специально растаждествляет такие неологизмы, как «самость без я» (мыслящий и неразумный хаос, позволяющий человеку воздействовать собой на самого себя) [5, с. 20, 159–160] и «я без самости» (разумное и немыслящее пустое понятие) [5, с. 215–216, см. также: с. 214–217].

II. Так называемое бессознательное: органы чувств versus орган антиязыка

Как известно, Бескова предлагает трёхуровневую структуру человека, включающую сознание, подсознание и бессознательное, благодаря которой можно различить разные потоки информации, получаемые человеком как осознаваемые (эго-сознание), так и неосознаваемые (бессознательное – на уровне отдельных subsystem, подсознание – на уровне субъекта как совокупности подсистем) [ср.: 3, с. 115; 7].

Информационные потоки разной природы далее можно классифицировать по соответствующим системам репрезентации и кодирования. Такие репрезентационные системы рационально привязывать к конкретным человеческим органам чувств [ср.: 8, с. 28]: «Ведь недаром основоположники НЛП [*нейролингвистическое программирование*. – Прим. А.Н.] Дж. Гриндер и Р. Бендлер говорили о том, что важно научить клиента использовать все репрезентативные системы («Я вижу», «Я слышу», «Я осязаю», «Я обоняю»). В противном случае большой объём информации, касающейся возможных вариантов решения ситуаций, просто не удаётся актуализировать» [3, с. 137].

Конечно, здесь не идёт речь о том, что наши предки имели принципиально отличный от нашего экзистенциальный человеческий статус. То обстоятельство, что современные люди разучились пользоваться неявным потенциалом своего организма, не означает, что им стали доступны нечеловеческие способы существования. Вероятно, нужно иметь в виду, что именно человеку присущ определённый онтологический статус, несовместимый с альтернативными онтологическими статусами – например, других животных [ср.: 9]. В этой

связи мы бы выделили такие классы анτισлов, как **инфразвукологизмы** и **ультразвукологизмы (гиперзвукологизмы)**, то есть слова (а по их сути – анτισлова), обозначающие слова, которые являются названиями референтов, находящихся за порогом акустического восприятия человека – звуки с частотой до 20 Гц – инфразвуки – и звуки с частотой выше 20 кГц – ультразвуки (гиперзвуки) [10, с. 115]. Это пример таких сущностей, которые минуют даже человеческое бессознательное, но в исключительных случаях он свидетельствует о потенциальных (экстрасенсорных) способностях людей, которые можно свести к т.н. реликтовому мировосприятию. Впрочем, в ближайшее время генетики смогут ответить и на этот любопытный вопрос. Ведь известно, что у животных есть множество чувств, которые отсутствуют у человека: например, у рыб и амфибий встречается электрорецепция (способность воспринимать электрические сигналы окружающей среды), летучие мыши используют ультразвук, киты – инфразвук, а многие виды ощущают магнитное поле). Поэтому и возникает вопрос: неактивны ли эти чувства у человека или он их полностью лишился в ходе эволюции [11]?..

III. Репрезентативные системы: от индивидуальной объективной реальности к индивидуальному антиязыку

И.А. Бескова: «Итак, поступающая информация фиксируется многослойно различными репрезентативными системами с использованием собственных им специфических кодов. В результате события, которые наше «я» уровня целого воспринимает как однозначные, на самом деле, если смотреть на них глазами, допустим, подсистем, – могут оказаться чем-то совсем иным. Так и получается, что аудио-, визуальный, обонятельный, осязательный, кинестетический ряд – для человека уровня отдельных систем – это разные события, допускающие разные варианты выходов и решений.

Поэтому можно сказать, что то, что поступающая информация трактуется нашим «я» уровня целого как однозначная, является результатом следующих этапов её переработки:

1. Она кодируется репрезентативными системами разных модальностей.
2. Некоторые из таких репрезентативных систем полностью или, в значительной степени, игнорируются нашим «я» уровня целого.

3. Оставшаяся информация приводится в соответствие с существующими на уровне сознания стереотипами, установками, разного рода устоявшимися представлениями.

Кстати, некоторые каналы поступления информации настолько сильно игнорируются нашим «я», что отвергается, не осознаётся не только поступающая по ним информация, но и само их существование» [3, с. 138–139] (ср.: [12]).

Разумеется, предлагаемая нами в перспективе концепция человека как сверхлингвистического существа критикабельна не в меньшей степени, чем концепция антропологической границы Бесковой, однако в рамках постулируемой философии антиязыка мы хотим показать альтернативные возможности по овладению естественным языком, одновременно расширяя и сужая его границы картины мира. Если воспользоваться концептом Бесковой «индивидуальная объективная реальность», то почему бы не сопоставить его с концептом «индивидуального языка» Л. Витгенштейна?..

Бескова понимает под «индивидуальной объективной реальностью» следующее: «Я утверждаю обратное: многие вещи останутся непонятными, многие зависимости не будут обнаружены, если мы не поймём, что причина несостыковок в коммуникации – не в различиях субъективных реальностей – это есть, но это вторично, а в различиях *индивидуальных объективных реальностей*. Это действительно *объективные* реальности, а не субъективные, так как они буквально – пласты окружающего, с которыми человек взаимодействует, которые ему доступны спонтанно, как данные в непосредственном опыте-переживании. И то обстоятельство, что наличие такого опыта, такого непосредственного переживания не осознаётся человеком, не должно вводить в заблуждение: он (этот опыт) есть и на бессознательном уровне соответствующая информация представлена» [3, с. 187].

Если мы принимаем понятие индивидуальной объективной реальности, которое Бескова предлагает для возможного решения проблемы интерпретации сновидческого опыта (как, впрочем, и для конкретизации самой проблемы антропологической границы, включая трёхуровневую структуру человека), то необходимо поставить вопрос и о соответствующем языке (репрезентационной системе), который должен обслуживать ту или иную индивидуальную объективную реальность [ср.: 9; 8, с. 6–7]. В качестве такого языка Бескова, к примеру, постулирует объёмный язык толкований снови-

дений, которым мы развернём в сторону соответствующей антиязыковой практики (сновидческая деривация), о чём будет изложено ниже. Правда, осознание насущности проблемы индивидуально-языка дано Бесковой в ответе на наш вопрос в рамках философского интервью [13, с. 35–47]. С другой стороны, Бескова скептически отнеслась к универсальному вербальному языку, который бы объединил индивидуальные опыты разных людей на уровне слова, отдав предпочтение языку телесных динамик [13, с. 44–45].

Теперь если проводить общую аналогию между индивидуальной объективной реальностью и некоторой репрезентационной системой, то необходимо воспользоваться витгенштейновским пониманием индивидуального языка, существование которого многими лингвистами и философами расценивалось как оксюморон. Итак, Витгенштейн: «Границы моего языка означают границы моего мира. <...> То, что мир является *моим* миром, обнаруживается в том, что границы *особого* языка (того языка, который мне только и понятен) означают границы *моего* мира» [14, с. 56]. Другими словами, Витгенштейн настаивает: индивидуальный язык возможен и как оправдание солипсизма, так как то, что «мы не в силах мыслить, мы не в состоянии и *сказать*» [14, с. 56], однако косвенно сподручны обозначить саму предметную область несказываемого, ибо «то, что солипсизм *подразумевает*, совершенно правильно, только это не может быть *сказано*, но оно обнаруживает себя» [14, с. 56]. Если говорить об антиязыковой трактовке индивидуального языка (при вероятном отождествлении), то на его счёт можно обосновать следующий класс антислов: то, что не может быть поименовано несобственным способом, включается в состав **солипс(изм)ологизмов**. В класс солипс(изм)ологизмов мы также включим и такие слова, которые составляют лексикон индивидуального языка (слова индивидуальной объективной реальности, неперебиваемые на другие индивидуальные языки) [14, с. 170–171].

IV. Критика мыслецентризма: антиязыковая номинация сквозь принцип «изначального опоздания»

Критика мыслецентризма *homo sapiens*, по И.А. Бесковой [3, с. 139–140], сводится к следующему: «...наименованием «бессознательное» мы не совсем верно передаём природу феномена, очень значи-

мого для понимания внутреннего мира человека. **Оно верно по отношению к «мыслецентрированному» человеку, но не по существу. По существу же, то, что мы именуем бессознательным, то, что для канала мысли – бессознательное, складывается из аспектов репрезентации происходящего языками всех кодирующих систем в той своей части, которая не имеет адекватного эквивалента в языке мысли (в естественном языке и языке образов сознания), плюс то, что поступает по каналу, альтернативному по отношению к каналу мысли»** [3, с. 142].

Контраргументируя Бесковой [3, с. 152], приведём точку зрения профессора И.Ю. Черепановой, развивающей такое направление, как «суггестивная лингвистика» [15; 16; 17; 18]: «Согласно объективной психологии, язык определяет сопутствующие сообщению тон, тембр, настрой и жесты говорящего: слухи – шепотом, призыв – командирским голосом. Тот, кто занят поиском противоречий между произносимым и демонстрируемым, просто-напросто не умеет соотносить разные уровни информации. Он вслушивается в то, ЧТО говорят (лексику и синтаксис), но не улавливает КАК: скрытое, латентное содержание, кодируемое фоносемантикой, ритмом и другими «подпороговыми стимулами» языка. Если человек произносит много «шипящих», «задненёбных» согласных, «звукобукв» «bl», то порождает текст жёсткий, насильственный для подсознания, и все его жесты, соответствующие этому намерению, подтверждают эту скрытую от сознания установку. Научиться слышать и контролировать смысл «звукобукв» очень трудно. Но это Чудо возможно благодаря современной науке. И тогда Магия изначального языка становится точным оружием воздействия в руках профессионала.

Американские исследователи признают, что язык передает эмоции лучше и полнее, чем только визуальный или паралингвистический каналы. Однако, в силу бедности лингвистической традиции, связывают это наблюдение со «словами» (значением) и «правилами языка» (синтаксисом)» [18, с. 72].

Другой контраргумент касается такого психотерапевтического направления, как логотерапия (метод экзистенциального психоанализа), разработанного австрийским психиатром В. Франклом. В своей книге «Человек в поисках смысла» (1946) [19] Франкл обосновал фундаментальную мотивацию человека – стремление к смыслу соб-

ственного существования. Логотерапия как лечение словом/смыслом/ценностью включает в себя ряд методов, таких как парадоксальная интенция и дерефлексия. Особенный интерес для нас представляет метод парадоксальной интенции, который применяется для лечения фобий и навязчивых состояний подобно русской пословице «клин клином вышибают», а именно: лечение страха путём противоречивой попытки его возжелания, в результате возникает интенциональный парадокс, то есть сознательное хотение того, чего вы стараетесь избежать, аннигилируется с уже имеющимся избегаемым состоянием. Если вы волнуетесь перед публичным выступлением, то заставьте себя ещё больше волноваться, причём сделайте это максимально осознанно – внутреннее подумав или проартикулировав соответствующую команду. Относительно разбираемой концепции Бесковой данный метод может быть проинтерпретирован следующим образом: лингвистическая репрезентативная система может контролировать и управлять другими системами репрезентации организма, исправляя некоторые изъяны энергетических потоков. Например, каждый человек знает, что такое нервный тик, но не каждый умеет от него отстраняться: напротив, любая попытка осознанно прекратить произвольное сокращение (спазм) мышцы или группы мышц, возникающее, в том числе, вследствие ошибочной команды головного мозга (гиперкинез) по различным причинам (этиологиям), оборачивается только усилением и продолжительностью нервной реакции, в то время как, применяя метод парадоксальной интенции (волевое воздействие), можно взять ситуацию под контроль, останавливая силой слова этот «нервный энергетический узел» (переводя на метафорический дискурс Бесковой, можно сказать, что телесный язык как язык энергетических динамик, иногда даёт сбой – например, нервные тики; другими словами, язык энергетических динамик стопорится, превращаясь в статический, но волевой окрик словом способен исправить информационный канал, направив энергию по назначению – к энергийному смыслу).

Ещё один контраргумент на точку зрения Бесковой находим также в книге лингвиста-суггестора И.Ю. Черепановой – на этот раз психолога П.В. Симонова [20; 21; 22; 23]. Согласно его информационной теории, эмоция образуется из-за дефицита информации по удовлетворению потребностей. Таким образом, «эмоция как бы компенсирует

этот недостаток, побуждая животное и человека к действию, к поиску той самой информации, которой ему недостаёт. Жизнь в ожидании неизвестных бед может привести к разрушению психики, стрессам, нервным срывам. К счастью, природа наградила человека своеобразным защитным механизмом. Это качество – потребность в объяснении словом, способность к мифотворчеству. При этом мифы общества в целом (эгрегора) и миф каждой отдельной личности одинаково важны, нуждаются в осознании и своевременной вербализации» [18, с. 59] (ср.: [24, с. 258, 259]).

Следующий контрпример (как для Бесковой, так и для Черепановой) образно напоминает крыловское «в зобу дыханье спёрло»: многие люди считают, что слова (да и сам язык) не в силах выражать их яркие эмоциональные состояния. Слова бессильны и слишком рациональны, в то время как чувства и эмоции более адекватны, правдивее любых знаков и прочей семиотики. Причём жестикование в подобных случаях смешивается с гормональным перевозбуждением, а отнюдь не интерпретируется в качестве невербальных средств коммуникации, которые классифицируются с точки зрения семиотической методологии. Столь наивное понимание проблемы усугубляется ещё и тем, что язык оказывается полностью разжалованным в бессознательное, будучи вытесненным туда некомпетентным употреблением или частым неиспользованием, а затем структурирует само бессознательное под себя, и вызволить его оттуда порой не удаётся даже матёрым психоаналитикам (ср.: по Ж. Лакану, Оно (бессознательное) структурировано как язык [6, с. 232; см. также: 6, с. 219, 222–223, 225]). О чём может говорить эмоциональное переживание языком эмоций языка мысли? Наверное, и о том, что у человека, не могущего выразить своё эмоциональное состояние, просто недостаточно развит словарный запас, создающий, вследствие нехватки нужных языковых средств, иллюзию невыразимости и, хуже того, непригодности языка для презентации всей гаммы таких по сути животных «чуйств». Однако нашу проблему можно поставить и по-другому: следует ли расширять языковые возможности человека для передачи всех каналов восприятий информации (шире – энергетических потоков) с тем, чтобы не скукоживаться до констатации наличия иных репрезентационных систем кодирования и декодирования информации, а увеличивать гносеологический (не эпистемологический, так как парадигма, а не нар-

радика) потенциал человека, тем самым укореняя его собственный онтологический статус в бытии. И.А. Бескова предлагает свои решения этой проблемы в виде постулирования индивидуальной объективной реальности и интерпретации сновидческого опыта для (само)познания человека.

Резюмируя вышесказанное, предположим существование такого класса антислов, который бы отвечал за нерождённые слова, не образованные вследствие эмоционального перевозбуждения, когда уникализированная событийная информация оказывается потерянной, будучи невыраженной. Данный класс антислов ближе всего к классу «мусорологизмов», чьё наименование весьма условно; это не столько мертворождённые слова, сколько абортированные, неоплодотворённые или даже незачатые семена логоса («абортологизмы?»).

V. Несоизмеримость репрезентативных систем: анамнезис как номинация

По мнению И.А. Бесковой, информация, поступающая к нам из внешней среды по неосознаваемым каналам, мало выразима в языке мысли ([3, с. 143–145]; с другой стороны, ср.: [3, с. 232–233]). Несоизмеримость репрезентационных систем получения информации также сказывается и на несоизмеримости семиотики мысли перед каналами органов чувств, чьи передачи якобы нельзя заподозрить в опосредованности. Хотя здесь (в порядке критики) и возникает резонный вопрос: о какой именно степени непосредственности **посредством** органов чувств идёт речь, когда с точки зрения методологии *différance* ничего непосредственного, то есть не подверженного отсрочке (принцип «изначального опоздания» Ж. Деррида [25, с. 328–329, 367], [26, с. 140–146]), нет, кроме, быть может, трансцендентного (Бог)? По словам Бесковой, под непосредственностью [см.: 27; ср.: 28] по отношению к репрезентативным системам она имеет в виду то, чтобы выражение поступающих сигналов системами «слышу», «вижу», «обоняю» и т. п. состоялось без работы мысли. Чтобы произошло осознание воспринятого, требуется посредство, а для изначального восприятия – нет. Конечно, такое уточнение не снимает фундаментального принципа «изначального опоздания» для органов чувств (критика чувственности и в целом эмпиризма), чьё функционирование происходит также в пространстве и времени, а в особенности при проведении

анalogии на уровне репрезентативных рецепторно-сигнальных (по сути – семиотических?) систем.

Ре-презентация – уже не презентация, но, по-видимому, для механических, световых и химических процессов, к которым сводятся все человеческие органы чувств, следует сделать исключение – ограничиться одной лишь презентацией, но тогда всё равно возникает терминологический вопрос: что предпочесть – презентативные или ре-презентативные системы? (Ведь и сам термин «репрезентация» (даже если не писать его через дефис) предполагает вторичность, то есть некоторое посредничество.) Другими словами, чтобы помыслить-перекодировать компоненты интуитивной информации той системы, которая имеет собственные средства прямого восприятия и выражения, необходимо отказаться от мыслецентричной репрезентационной системы или перформатировать её в адекватную самой получаемой информации.

В нашей антиязыковой методологии можно привести следующий класс антислов для тех инфосигналов, которые передаются органами чувств «непосредственно» и (якобы) непереводимы на язык мысли, но могут быть определены в меру компетентности той или иной науки. Например: если мы возьмём конкретный орган чувств и определим те единицы измерения нервно-импульсной информации, которую он кодирует и передаёт, то можно в рамках антиязыковой методологии образовать и соответствующий класс антислов (**эсте-зиологизмы?**), которые будут коррелятами сигналов данной репрезентативной системы.

В личной переписке И.А. Бескова на наш вопрос о том, в каких конкретных единицах может кодироваться информация того или иного органа чувств, сослалась на представления китайской традиции. В ней существует довольно подробно разработанная система соответствий: эмоции гнева соответствует система печени/жёлчного пузыря, эмоции страха – система «почки/мочевой пузырь», эмоции тоски – «лёгкие/толстый кишечник» и т. п. Таким образом, в этой традиции язык тела увязан с языком эмоций. Говорить о единицах информации как о битах вероятен, но пока в самом грубом приближении. А если метафорично переводить язык чувств на естественный язык в виде условных слов (системы увязок «слов» всех репрезентативных систем [3, с. 150–151]), то для Бесковой язык телесности – это язык неясных переливов энергии, не-квантованных и недуральных, поэтому вопрос, что

считать словом в этом языке динамик, решить не так просто. При всех оговорках насчёт коррелятов слов остаётся проблема невыразимости недурального чувственного опыта ресурсами двойственного аппарата языка и мышления. А при условии, что такой чувственный язык – всё-таки тоже язык, то именно данная его интерпретация и будет соответствовать понятию «анти-языка». В самом деле, если им что-то передаётся и выражается, раз он используется в коммуникативных взаимодействиях (субсистем организма как между собой, так и с целым), то он обладает характеристиками языка, пускай и организованный по каким-то совершенно другим принципам. Это, вероятно, не чёткие дискретные единицы, а правила сочетаемости такие свободные, каких нет ни в одной двойственной системе. Тем не менее, данный «анти-язык» играет роль посредника в коммуникативных взаимодействиях в рамках внутреннего мира и может быть ответственен за разные чудеса суггестии [ср.: 3, с. 151]. Продолжая мысль Бесковой в плане образования специального класса анτισлов, включим в его состав те системы увязок «слов» репрезентативных систем, которые являются единицами-проводниками феномена суггестии (**суггестологизмы**). Однако вряд ли удастся ограничиться только одним классом анτισлов для антиязыковой трактовки языка внутреннего мира человека. Бесковское понимание «анти-языка» составляет предмет и нашей концептуализации в рамках философии антиязыка, но без семиотической конкретизации в виде классов анτισлов и дальнейшего психофизиологического изучения (например, явления суггестии) данная проблема останется без надёжной объяснительной силы.

Правда, существует и такой образец антиязыковой практики, терминологически солидарной с нашей, который Бескова предлагает на примере приёма воязыковлечения-припоминания (аллюзия на анамнезис у Платона, выступающего в роли психоаналитика), актуализирующего в памяти ту информацию, которая ранее прошла мимо нашего сознания, но химически наследила в мозге, образовав некоторые нейронные связи-сети. Этот приём вполне укладывается в общую методологию философии антиязыка как способ номинации тех референтов, которые сродни в человеческом сознании т.н. скрытым параметрам в физике (**криптологизмы**) (соответственно – *скрытые параметры человеческого сознания/психики в виде подсознания и бессознательного*; ср.: У.П. Монтегю: «По крайней

мере некоторые осознаваемые нами сущности, или универсалии, обладают существованием и в то время, когда мы их не осознаём» [29, с. 70]); здесь речь идёт о таком классе анτισлов, как **ксенологизмы** (слова, используемые для обозначения чуждых нашему восприятию и сознанию «ad-hoc-неосознаваемых», но объективно существующих реалий) [10, с. 195]).

И.А. Бескова утверждает: «Память можно понимать как целенаправленное *отыскание* прежних следов в результате чего-то вроде рейда по закоулкам сознания. А можно как совершенно спонтанный, произвольный, ненасильственный процесс *свободного всплывания* прежних, ранее не актуализировавшихся содержаний в связи с изменением состояния сознания. То есть вспоминание можно представить и как усиленный поиск утраченного (забытого), и как совершенно простой, лёгкий, практически автоматический процесс оживления прежних следов при изменении состояния сознания» [3, с. 181; ср. также: 3, с. 220]. Следуя логике антиязыковой методологии, мы предлагаем обосновать и соответствующий класс анτισлов – **анамнез(ис)ологизмы** (слова, обозначающие референты, которые неосознанно хранятся в памяти до воязыковлечения).

VI. Сновидческий антиязык

И.А. Бескова констатирует [3, с. 145–146], что современный человек, отождествляющий себя исключительно со своим Я, надеясь обрести себя как целое, практически всегда имеет дело с плоскостным и поверхностным Я, которое стремится заполнить внутреннюю пустоту, с одной стороны, погружением в аутизм языка, делаясь его пожизненным заложником, с другой – растворением в бесконечной речевой коммуникации (как обмене пустыми знаками) из-за боязни прослыть невеждой. А ведь ни внешний мир (мир телесных протяжённых вещей), ни анатомический внутренний мир (человек как организм) не отменяются, и Я приходится выживать между этими мирами, расширяя или сужая границы. Своеобразным культурным адаптивным механизмом такого выживания является естественный язык, который в меру своих возможностей переводит сигналы обоих миров на человеческий язык значений и смыслов.

По словам Бесковой, Это «необходимы средства, позволяющие осуществлять хоть какое-то (а в идеале даже эффективное) взаимодействие

с ними. Это значит, что помимо средств, организующих функционирование системы освоения и переработки информации собственного уровня (то есть поступающих с собственного уровня и продуцируемых ss-уровнем других объектов) ему необходимы, так сказать, *средства перевода*, позволяющие вступать во взаимодействие, и распознавать информацию двух других миров (внешнего и внутреннего). Поскольку и тот, и другой объёмны, Эго нуждается в средствах перевода, которые позволяли бы оформлять содержания v-уровня [от «*volute*» – объём. – Прим. А.Н.] в ss-посланиях [от «*surface structure*» – поверхностная структура. – Прим. А.Н.].

Какой должна быть природа этих средств?» [3, с. 147].

В качестве решения проблемы Бескова предлагает использовать объёмный язык сновидений для объяснения немыецентричных репрезентационных систем [см. также: 30; 31; 32]: «Если говорить максимально образно, на одном их конце должен быть объём, на другом – плоскость. То есть это должны быть такие средства репрезентации информации, которые образованию ss-уровня (плоскостному, уровня Эго, сознания) ставили бы в соответствие образования ds-уровня [от «*deep structure*» – «глубинная структура». – Прим. А.Н.] (объёмного мира: и внешнего, и внутреннего). На мой взгляд, таким средством и является язык символов сновидений. Последние как раз и представляют собой образования, которые плоскостному конструкту – слову естественного языка или образу сознания (то есть средству ss-мира), ставят в соответствие объёмную, нерасчленённую, синкретичную целостность, которая принципиально не упорядочена и не поддаётся однозначному оформлению в прямые и непосредственные связи линейного мира» [3, с. 147–148].

Возвращаясь к «анти-языковой» точке зрения Бесковой, ещё раз подчеркнём её основные положения: 1) языком внутреннего мира можно считать динамики (движения, потоки, перемещения) энергии, которые сопровождаются физическими ощущениями во всём теле – от клеточного до системного; 2) единицы такого языка – динамики энергии, которые в конечном виде могут представлять собой чувства-ощущения; в этом языке фиксируются все аспекты поступившей информации, поэтому внешние события кодируются в нём как «сложные синкретичные комплексы внутренних ощущений-переживаний»; 3) данным языком

внутреннего мира человека, который следует понимать расширительно, его носитель общается с внешней средой; 4) условные слова этого языка и могут являться той составляющей символов сновидений, которая из глубинной структуры бессознательного переводится в ss-структуру уровня Эго (в образ или предложение естественного языка).

По словам Бесковой, «перевод с языка на язык, на мой взгляд, осуществляется не в той форме, в которой мы делаем на уровне Эго (то есть на поверхностном уровне, где перевод осуществляется с одного упорядоченного образования на другой). Здесь, как представляется, не так.

Поступая, информация *сразу параллельно кодируется* всеми системами с использованием всех средств, которыми организм располагает. В результате она оказывается репрезентирована одновременно:

- 1 – в языке телесных динамик;
- 2 – в языке чувств-ощущений-переживаний;
- 3 – в вербально-образных средствах (уровень человек как целое).

Каждый уровень зафиксировывает то из поступающего, что соответствует его собственной природе, и теми средствами, которыми располагает и которые органичны ему, присущи по природе» [3, с. 149–150].

Объёмный v-язык, который Бескова предлагает использовать для толкования сновидений, состоит из символов, обладающих рядом особенностей. Перечислим их: 1) многозначность; 2) неопределённость; 3) противоречивость; 4) иррациональность.

Таким образом, выразить все эти характеристики с помощью привычного перевода на естественный язык не так-то просто, поэтому и возникает известный феномен, когда человек что-то чувствует или понимает, а выразить не может. «И это не потому, – замечает Бескова, – что его язык беден, и не потому, что информация богата, а потому, что её природа исключает возможность выражения средствами естественного языка и категориального мышления (средствами уровня «человек как целое»)» [3, с. 152]. Также Бескова отмечает, что такая невыразимость обусловлена недвойственностью (однозначностью) информации, поступающей извне. А поскольку язык как семиотическая система неоднозначна (взять хотя бы двусоставный – означаемо-означающий – характер языкового знака, а также спайку мышления и языка), постольку её сущностная природа в

состоянии кодировать те сигналы, которые легко обрабатываются двумя другими уровнями – отдельными подсистемами и организмом как совокупностью систем, появившимися у человека ещё до лингвогенеза. «Соответственно, – удостоверяет Бескова, – те содержания, которые имеют «Эго-аспект» репрезентации, в символических сновидениях «прозвучат» или будут выражены в образных рядах различных модальностей (аудио-, видео-, обонятельной, осязательной, кинестетической). Если же информация изначально, по природе своей, не может получить кодирования в этих средствах, она и в сновидении не будет репрезентирована средствами уровня «Эго» и останется той плохо осознаваемой компонентой сновидческого опыта, которая и определяет многие особенности феномена сновидений» [3, с. 154].

В психологической и философской литературе существует несколько правдоподобных гипотез о природе сновидений [см.: 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40], изучаемых специальной научной дисциплиной – **сомнологией** [см.: 41]. Гипотеза Бесковой – одна из возможных. Не углубляясь в сами алгоритмы интерпретации сновидений посредством объёмного v-языка [3, с. 228–238], отошлём читателя к нашей первой статье об антиязыковом аспекте сновидческого опыта [2], новые решения из которой будут приведены ниже.

VII. Выводы и проводы антиязыка

Проанализировав эпистемологическую концепцию И.А. Бесковой о природе сновидений и параллельно затронув множество лингвистических и психологических приложений, мы пришли к выводу о том, что разрабатываемая нами философия антиязыка продуктивно вписывается своей методологией в поддержание и развитие конгениальных бесковской теорий. В процессе изучения оригинальной авторской концепции мы можем сформулировать те крупные аспекты антиязыковой проблематики, без которых соответствующая ей философия не может считаться полноценной.

Итак, под **философией антиязыка** будем понимать:

- 1) номинацию (именование) того, что в принципе невыразимо в естественном человеческом языке (для внешних вещей-референтов);
- 2) номинацию (именование) того, что невыразимо в естественном языке человеческими кана-

лами получения информации (то, что лежит по ту сторону человеческого способа существования);

- 3) номинацию (именование) того, что в целом пытается вырваться за ограничивающий принцип «изначального опоздания» (действие принципа «изначального опережения»), присутствующий всем семиотическим (различающим от «différance») системам.

Следовательно, под самим **антиязыком** будем понимать:

- 1) естественный человеческий язык в качестве языка как такового;
- 2) естественный человеческий язык в качестве именно человеческой разновидности языка как такового;
- 3) естественный человеческий язык, не пригодный для номинации вообще всего того, что подпадает под принцип «изначального опоздания».

Далее подытожим вышесказанное в генерализирующих определениях:

- 1) **антиязык** – это система (совокупность) классов антислов, которые представляют соответствующие области частично или полностью не поименованного бытия;
- 2) **философия антиязыка** – это новый раздел философии (или подраздел философии языка), в котором выявляются собственно и несобственно антиязыковые дискурсивные практики. В первом случае понимается поиск таких классов антислов, которые *par excellence* невыразимы в естественном человеческом языке. Во втором – критика существующих способов коммуникации и сигнификации посредством естественного человеческого языка.

В рамках данной проблемы проявились и другие контексты применения и антиязыка. Перечислим и их:

- 1) антиязык как телепатия (по Беннету, телепатический язык – это такой антиязык, посредством которого компенсируются изъяны вербальной коммуникации между людьми [42]);
- 2) анти-язык как криптолект (по Халлидею, анти-язык – это маргинальных социальных групп [42]);
- 3) антиязык как бессознательное (по Нилагову, антиязык – это бессознательное естественного человеческого языка наподобие подводной части айсберга; ср.: «Даже Я – это Оно» [43, с. 249]);

4) антиязык как индивидуальный язык (по Витгенштейну, индивидуальный язык – это язык внутреннего вербального мира человека).

«Анти-языковые» интенции самой Бесковой можно суммировать следующим образом:

1) возможность именования тех информационных потоков, которые оказываются воспринятыми нашим организмом вне нашего человеческого сознания, а потому, будучи как раз непоименованными, они вызывают в нас – лингвоцентрированных существах – психологические сбои, связанные, в первую очередь, со смысловой актуализацией нашего бессознательного опыта; другими словами, «мы не осознаём – не способны выразить в языке мысли – не часть аудио-, видео-, кинестетической информации, а мы неспособны выразить в языке мысли бессознательную, интуитивную информацию и непосредственно, и в той её форме, в какой она репрезентирована аудио-, видео-, обонятельной, осязательной, кинестетической системами» [3, с. 144];

2) возможность именования той непосредственно поступившей информации, которая также невыразима в языке мысли для всех других репрезентативных систем, потому что «в отличие от языка мысли остальные репрезентативные системы имеют собственные средства непосредственного восприятия и выражения компонентов интуитивной информации собственными ресурсами» [3, с. 144];

3) если метафорично переводить язык чувств на естественный язык в виде условных слов (системы увязок «слов» всех репрезентативных систем), то язык телесности – это язык неясных переливов энергии, поэтому вопрос, что считать словом в этом языке динамик, решить непросто; также можно развить понимание Бесковой «анти-языка» до соответствующего класса антислов – **суггестологизмов**; другими словами, при всех оговорках насчёт коррелятов слов остаётся проблема невыразимости недвухвалентного чувственного опыта ресурсами двойственного аппарата языка/мышления: поэтому при условии, что такой чувственный язык – всё-таки тоже язык, то именно данная его интерпретация и будет соответствовать понятию «анти-языка»;

4) язык индивидуальной человеческой объективной реальности (как вербальный, так и невербальный, а не только невербальный или условно-телесный);

5) условные слова языка внутреннего мира (в котором фиксируются все аспекты поступившей информации, поэтому внешние события кодируются в нём как «сложные синкретичные комплексы внутренних ощущений-переживаний») и могут являться той составляющей символов сновидений, которая из глубинной структуры бессознательного переводится в ss-структуру уровня Эго (в образ или предложение естественного языка); поступающая «информация сразу параллельно кодируется всеми системами с использованием всех средств, которыми организм располагает» [3, с. 150]; символы, толкующие сновидения, характеризуются многозначностью, неопределённостью, противоречивостью, и иррациональностью; «те содержания, которые имеют «Эго-аспект» репрезентации, в символических сновидениях «прозвучат» или будут выражены в образных рядах различных модальностей (аудио-, видео-, обонятельной, осязательной, кинестетической). Если же информация изначально, по природе своей, не может получить кодирования в этих средствах, она и в сновидении не будет репрезентирована средствами уровня «Эго» и останется той плохо осознаваемой компонентой сновидческого опыта, которая и определяет многие особенности феномена сновидений» [3, с. 154].

Теперь перечислим те классы и подклассы анτισлов (слова-наименования-этикетки-ярлыки), которые удалось открыть-обосновать в ходе критического изложения концепции И.А. Бесковой:

1, 2) **инфразвукологизмы и ультразвукологизмы (гиперзвукологизмы)** – слова (а по их сути – анτισлова), обозначающие слова, которые являются названиями референтов, находящихся за порогом акустического восприятия человека – звуки с частотой до 20 Гц – инфразвуки – и звуки с частотой выше 20 кГц – ультразвуки (гиперзвуки);

3) **солипсизмологизмы** – такие слова, которые составляют лексикон индивидуального языка (слова индивидуальной объективной реальности, неперебиваемые на другие индивидуальные языки), а также обозначающие то, что не может быть поименовано несобственным способом;

4) «абортологизмы» (подкласс «мусорологизмов») – нерождённые слова, не образованные вследствие эмоционального перевозбуждения, когда

- уникализированная событийная информация оказывается потерянной, будучи невыраженной; это не столько мертворождённые слова, сколько абортированные, неоплодотворённые или даже незачатые семена логоса;
- 5) **эстеziологизмы** – слова-наименования для тех инфосигналов, которые передаются органами чувств непосредственно и непередаваемы на язык/мышление (например: если мы возьмём конкретный орган чувств и определим те единицы измерения нервно-импульсной информации, которую он кодирует и передаёт, то можно в рамках антиязыковой методологии образовать соответствующий класс антислов, которые будут коррелятами сигналов данной репрезентативной системы);
 - 6) **суггестологизмы** – слова-этикетки как те системы увязок «слов» репрезентативных систем, которые являются единицами-проводниками феномена суггестии;
 - 7) **криптологизмы** – понятия, используемые для обозначения скрытых параметров (например, в физике; ср.: то, по Хайдеггеру, о чём «не имеется ни знания, ни незнания»);
 - 8) **анамнез(ис)ологизмы** – слова, обозначающие референты, которые неосознанно хранятся в памяти до своего воязыковлениия;
 - 9) **ксенологизмы** – слова, используемые для обозначения чуждых нашему восприятию и сознанию «ad-hoc-неосознаваемых», но объективно существующих реалий (ср.: У.П. Монтегю: «По крайней мере некоторые осознаваемые нами сущности, или универсалии, обладают существованием и в то время, когда мы их не осознаём»);
 - 10) **«мусорологизмы»** – слова, образуемые для нужд мысле- и словотворчества, не сохраняющиеся в языке, но находящие свой приют в антиязыке; слова, которые возникают при воязыковлениии какого-либо смысла или сопрождают другие речевые процессы;
 - 11) **сомнологизмы** (подкласс «мусорологизмов») – слова, появляющиеся во сне во время сновидения, которые затем попросту улечувачиваются, если и не исчезая совсем из памяти сновидца (см. **анамнезисологизмы**), то уж точно не попадая в сознание бодрствующего (в отличие от **сомнологизмов** существуют также **сомнизмы** – такие слова сновидцев, которые становятся доступны стороннему наблюдателю);
 - 12) **лунат(изм)ологизмы (сомнамбулогизмы)** – подкласс **сомнологизмов** (или «мусорологизмов»); слова, образуемые в речи преимущественно лунатиков (сомнамбул) (в отличие от **лунатологизмов** существуют также **лунатизмы** – такие слова лунатиков (сомнамбул), которые становятся доступны стороннему наблюдателю);
 - 13) **гипно(зо)логизмы** (подкласс «мусорологизмов») – слова, образуемые при сеансе гипноза, но пропадающие – полностью или частично (см. **анамнезологизмы**) – после возвращения пациента в сознание (наряду с **гипнологизмами** следует вычлениить и **гипнотизмы** как такие полноценные слова гипнотизируемых («гипнамбул»), которые становятся доступны стороннему наблюдателю); данный подкласс антислов можно также расширить за счёт иных изменённых состояний сознания.

Список литературы:

1. Барт Р. Мифологии / Пер. с франц., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М., 1996.
2. Нилогов А.С. Сплю, следовательно, существую // Психология и психотехника. 2015. № 4.
3. Бескова И.А. Природа сновидений (эпистемологический анализ). М., 2005.
4. Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии. М., 2000.
5. Гиренко Ф.И. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М., 2012.
6. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М., 2008.
7. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989.
8. Савельев С.В. Происхождение мозга. М., 2005.
9. Nagel T. What is it like to be a Bat? // Philosophical Review. № LXXXIII. 4.10.1974. Pp. 435–450. (URL: http://organizations.utep.edu/portals/1475/nagel_bat.pdf); пер.: Негель Т. Что значит быть летучей мышью? (URL: <http://coollib.net/b/217176/read#t1>).
10. Нилогов А.С. Философия антиязыка. СПб., 2013.
11. Фадеева С.Б. Пять – недостаточно // Русская планета. Здоровье. 14.11.2014. (URL: <http://rusplt.ru/health/pyatnedostatochno-14414.html>).
12. Оруэлл Д. Новые слова // The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell. N.Y., 1968. (URL: <http://www.grammar.ru/BIB/?id=3.108>).

13. Кто сегодня делает философию в России. Том II / Авт.-сост. А.С. Нилогов. М., 2011.
14. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / Сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой. Пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М., 1994.
15. Что такое суггестия. (URL: <http://suggestio.su/>).
16. Наука о языке XXI века: словарь-справочник. М., 2013.
17. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи: язык творческого бессознательного. М., 2007.
18. Черепанова И.Ю. Ключ Гамаюн. Научная магия суггестивного влияния языка. М., 2007.
19. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйсмана. М., 1990.
20. Симонов П.В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975.
21. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1970.
22. Симонов П.В. Что такое эмоция? М., 1966.
23. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М., 1981.
24. Годфруа Ж. Что такое психология? Т. 1 / Пер. с франц. Н.Н. Алипова и др. Под ред. Г.Г. Аракелова. М., 1992.
25. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. Д.Ю. Кралечкина. Под ред. В.Ю. Кузнецова. М., 2000.
26. Декомб В. Современная французская философия: сборник / Пер. с франц. М.М. Фёдоровой. М., 2000.
27. Бескова И.А. Восприятие: непосредственное и опосредованное // Психология и психотехника. 2010. № 8. С. 29–40.
28. Рецепт. (URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%E5%F6%E5%EF%F2%E0>).
29. Зотов А.Ф., Мельвиль Ю.К. Западная философия XX века: учебное пособие. М., 1998.
30. Березина Т.Н. Внутреннее пространство сновидения // Психология и психотехника. 2015. № 2. С. 141–149.
31. Березина Т.Н. Собственное звучание образов сновидения // Психология и психотехника. 2014. № 1. С. 57–68.
32. Березина Т.Н. Понимание как связь слова и образа (в аспекте психических образов высших порядков) // Психология и психотехника. 2013. № 6. С. 546–555.
33. Касаткин В.Н. Теория сновидений. Л., 1970.
34. Малкольм Н. Состояние сна / Пер. с англ. М., 1993.
35. Минделл А. Сновидение в бодрствовании. М., 2004.
36. Налчаджян А.А. Ночная жизнь. Личность в своих сновидениях. СПб., 2004.
37. Фрейд З. Толкование сновидений. М., 1913.
38. Фромм Э. Забытый язык: введение в понимание снов, волшебных сказок и мифов / Пер. с англ. Ангарск, 1994.
39. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии / Пер. с англ. М., 1996.
40. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления / Пер. с нем. Киев, 1994.
41. Наймарк Е.Б. Наука во власти сна // Что нового в науке и технике. 2005. № 7–8. С. 124–135. (URL: <http://elementy.ru/lib/164545>).
42. Нилогов А.С. Антиязык как ясновидение в бессловесной коммуникации Д.Г. Беннета // Психология и психотехника. 2015. № 1. С. 92–103.
43. Нилогов А.С. Сплошной ressentiment: тенью странника. Абакан, 2004.

References (transliteration):

1. Bart R. Mifologii / Per. s frants., vstup. st. i komment. S.N. Zenkina. М., 1996.
2. Nilogov A.S. Splyu, sledovatel'no, sushchestvuyu // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2015. № 4.
3. Beskova I.A. Priroda snovidenii (epistemologicheskii analiz). М., 2005.
4. Khoruzhii S.S. Ocherki sinergiinoi antropologii. М., 2000.
5. Girenok F.I. Absurd i rech'. Antropologiya voobrazhaemogo. М., 2012.
6. Avtonomova N.S. Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka. М., 2008.
7. Freid Z. Psikhologiya bessoznatel'nogo. М., 1989.
8. Savel'ev S.V. Proiskhozhdenie mozga. М., 2005.
9. Nagel T. What is it like to be a Bat? // Philosophical Review. № LXXXIII. 4.10.1974. Pp. 435–450. (URL: http://organizations.utep.edu/portals/1475/nagel_bat.pdf); per.: Nagel' T. Chto znachit byt' letuchei mysh'yu? (URL: <http://coollib.net/b/217176/read#t1>).
10. Nilogov A.S. Filosofiya antiyazyka. SPb., 2013.
11. Fadeeva S.B. Pyat' – nedostatochno // Russkaya planeta. Zdorov'e. 14.11.2014. (URL: <http://rusplt.ru/health/pyat-nedostatochno-14414.html>).
12. Oruell D. Novye slova // The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell. N.Y., 1968. (URL: <http://www.grammar.ru/BIB/?id=3.108>).
13. Kto segodnya delaet filosofiyu v Rossii. Tom II / Avtor-sostavitel' A.S. Nilogov. М., 2011.
14. Vitgenshtein L. Filosofskie raboty. Ch. I / Sost., vstup. st., primech. M.S. Kozlovoi. Per. s nem. M.S. Kozlovoi, Yu.A. Aseeva. М., 1994.
15. Chto takoe suggestiya. (URL: <http://suggestio.su/>).
16. Nauka o yazyke XXI veka: slovar'-spravochnik. М., 2013.

17. Cherepanova I.Yu. Dom koldun'i: yazyk tvorcheskogo bessoznatel'nogo. M., 2007.
18. Cherepanova I.Yu. Klyuch Gamayun. Nauchnaya magiya suggestivnogo vliyaniya yazyka. M., 2007.
19. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla: sbornik / Per. s angl. i nem. D.A. Leont'eva, M.P. Papusha, E.V. Eidmana. M., 1990.
20. Simonov P.V. Vysshaya nervnaya deyatel'nost' cheloveka. Motivatsionno-emotsional'nye aspekty. M., 1975.
21. Simonov P.V. Teoriya otrazheniya i psikhofiziologiya emotsii. M., 1970.
22. Simonov P.V. Chto takoe emotsiya? M., 1966.
23. Simonov P.V. Emotsional'nyi mozg. M., 1981.
24. Godfrua Zh. Chto takoe psikhologiya? T. 1 / Per. s frants. N.N. Alipova i dr. Pod red. G.G. Arakelova. M., 1992.
25. Derrida Zh. Pis'mo i razlichie / Per. s frants. D.Yu. Kralechkina. Pod red. V.Yu. Kuznetsova. M., 2000.
26. Dekomb V. Sovremennaya frantsuzskaya filosofiya: sbornik / Per. s frants. M.M. Fedorovoi. M., 2000.
27. Beskova I.A. Vospriyatie: neposredstvennoe i oposredovannoe // Psikhologiya i psikhotehnika. 2010. № 8. S. 29–40.
28. Retseptor. (URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%E5%F6%E5%EF%F2%EE%F0>).
29. Zotov A.F., Mel'vil' Yu.K. Zapadnaya filosofiya XX veka: uchebnoe posobie. M., 1998.
30. Berezina T.N. Vnutrennee prostranstvo snovideniya // Psikhologiya i psikhotehnika. 2015. № 2. S. 141–149.
31. Berezina T.N. Sobstvennoe zvuchanie obrazov snovideniya // Psikhologiya i psikhotehnika. 2014. № 1. S. 57–68.
32. Berezina T.N. Ponimanie kak svyaz' slova i obraza (v aspekte psikhicheskikh obrazov vysshikh poryadkov) // Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 6. S. 546–555.
33. Kasatkin V.N. Teoriya snovidenii. L., 1970.
34. Malkol'm N. Sostoyanie sna / Per. s angl. M., 1993.
35. Mindell A. Snovidenie v bodrstvovanii. M., 2004.
36. Nalchadzhyan A.A. Nochnaya zhizn'. Lichnost' v svoikh snovideniyakh. SPb., 2004.
37. Freid Z. Tolkovanie snovidenii. M., 1913.
38. Fromm E. Zabytyi yazyk: vvedenie v ponimanie snov, volshebnykh skazok i mifov / Per. s angl. Angarsk, 1994.
39. Eliade M. Mify, snovideniya, misterii / Per. s angl. M., 1996.
40. Yung K.G. Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya / Per. s nem. Kiev, 1994.
41. Naimark E.B. Nauka vo vlasti sna // Chto novogo v nauke i tekhnike. 2005. № 7–8. S. 124–135. (URL: <http://elementy.ru/lib/164545>).
42. Nilogov A.S. Antiyazyk kak yasnovidenie v besslovesnoi kommunikatsii D.G. Benneta // Psikhologiya i psikhotehnika. 2015. № 1. S. 92–103.
43. Nilogov A.S. Sploshnoi ressentiment: ten'yu strannika. Abakan, 2004